

Информация для цитирования:

Алимов Т. Э. Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе / Т. Э. Алимов, Р. А. Сафина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 183—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212.

Alimov, T. E., Safina, R. A. (2025). Cognitive-Semantic Mechanisms of Poverty Euphemization in Russian and Uzbek Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 183-212. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе

Алимов Тимур Эрмекович¹
преподаватель кафедры
русской филологии,
корреспондирующий автор
Alimovcom@mail.ru

Сафина Римма Абельхаеровна²
кандидат филологических наук, доцент
Rimma.Safina@ksu.ru

¹ Ферганский
государственный университет
(Фергана, Узбекистан)

² Казанский
федеральный университет
(Казань, Россия)

Cognitive-Semantic Mechanisms of Poverty Euphemization in Russian and Uzbek Media Discourse

Timur E. Alimov¹
lecturer, Department
of Russian Philology,
corresponding author
Alimovcom@mail.ru

Rimma A. Safina²
PhD in Philology, Associate Professor
Rimma.Safina@ksu.ru

¹ Ferghana State University
(Ferghana, Uzbekistan)

² Kazan Federal University
(Kazan, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению и описанию когнитивно-семантических механизмов эвфемизации и фреймовых моделей репрезентации бедности. Материалом послужил двуязычный корпус из 800 медиатекстов (420 русских, 380 узбекских) центральных и региональных СМИ, на основе которого выделены 63 эвфемистические номинации. Применены когнитивно-семантическая разметка по таксономии Б. Уоррен (метафора, метонимия, литота, абстракция, обобщение) и фрейм-семантическое моделирование Ч. Филлмора, что позволило определить доминантные фреймы каждого субкорпуса. Показано, что в русском дискурсе преобладают фреймы «временная трудность» и «порог / граница», реализуемые литотическими и образными формами (*небогатый, в трудном материальном положении, за чертой бедности*). Узбекский дискурс детерминирован фреймом «институционального учёта», репрезентированным метонимическими именованиями по реестрам (*темир дафтар (железная тетрадь), аёллар дафтари (женская тетрадь), меҳр дафтари (тетрадь милосердия)*) и стандартизированными терминами (*кам таъминланган (малообеспеченный), эҳтиёжманд (нуждающийся), қийин молиявий вазиятда (в трудной финансовой ситуации)*). Доказано, что оба языковых сообщества избегают прямых лексем *бедный / камбагал*, смягчая негатив через количественные или ситуационные описания. Установлено, что универсальные когнитивные операции задают общие механизмы эвфемизации, тогда как их конкретная реализация детерминирована социополитическим контекстом и жанровыми нормами национальных медиадискурсов.

Ключевые слова:

эвфемизм бедности; фрейм-анализ; когнитивная семантика; медийный дискурс; русский язык; узбекский языки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on identifying and describing the cognitive-semantic mechanisms of euphemization and the frame models representing poverty. The study is based on a bilingual corpus of 800 media texts (420 in Russian and 380 in Uzbek) from central and regional media outlets, which yielded 63 euphemistic nominations. Cognitive-semantic annotation was conducted according to B. Warren's taxonomy (metaphor, metonymy, litotes, abstraction, generalization), along with frame-semantic modeling as proposed by C. Fillmore, enabling the identification of dominant frames within each subcorpus. The findings indicate that the Russian discourse is predominantly characterized by the frames of "temporary hardship" and "threshold/boundary," which are realized through litotic and figurative forms (e.g., *nebogaty* "not wealthy," *v trudnom material'nom polozenii* "in a difficult material situation," *za chertoy bednosti* "below the poverty line"). Conversely, the Uzbek discourse is shaped by the frame of "institutional accounting," represented through metonymic designations based on registries (e.g., *temir daftar* (iron notebook), *ayollar daftari* (women's notebook), *mechr daftari* (notebook of mercy)) and standardized terms (e.g., *kam taminlangan* (low-income), *echtiyodzhmand* (needy), *qiyin moliyaviy vaziyatda* (in a difficult financial situation)). It is demonstrated that both linguistic communities avoid direct lexemes for poverty such as Russ. *bednyy* / Uzb. *kambagal* (indigent), softening negativity through quantitative or situational descriptions. The study establishes that universal cognitive operations underlie common euphemization mechanisms, while their specific realizations are determined by the sociopolitical context and genre norms of national media discourses.

Key words:

poverty euphemism; frame analysis; cognitive semantics; media discourse; Russian language; Uzbek language.

УДК [811.512.133'373.49+811.161.1'373.49]::364.22

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе

© Алимов Т. Э., Сафина Р. А., 2025

1. Введение = Introduction

Проблема бедности остаётся остро актуальной как для России, так и для Узбекистана, что отражается и в медийном дискурсе обеих стран. По данным Росстата за 2024 год, в России за официальной чертой бедности проживает около 10,5 млн человек [Росстат сообщил ..., 2025]. В Узбекистане же само понятие «бедность» на протяжении долгого времени было фактически табуировано в официальном дискурсе: при первом президенте И. А. Каримове его систематически заменяли эвфемизмом *малообеспеченность* с целью поддержания имиджа благополучного государства. Лишь в последние годы ситуация изменилась: тема бедности стала предметом открытого публичного обсуждения, и само слово *бедность* впервые появилось даже в названии министерства [Юсупов, 2021], что вербализует институциональный сдвиг в восприятии рассматриваемого социально-экономического феномена. Тем не менее сама легализация лексемы *бедность* не аннулирует необходимости символически «обезвреживать» её отрицательную оценочность: по мере того как проблема становится частью публичной повестки, медийная коммуникация вырабатывает устойчивые стратегии семиотического смягчения и переосмысления соответствующего концепта.

Использование эвфемистических форм обусловлено как этическими соображениями (избегание резких или потенциально оскорбительных выражений), так и политико-идеологическими факторами (формирование желательного образа данного социального явления). По мнению И. А. Солодиловой и Т. Ю. Соколовой, ключевая специфика эвфемизмов определяется их «социокультурной детерминированностью» [Солодилова, Соколова, 2017, с. 76], в связи с чем выбор и употребление эвфемистических номинаций коррелируют с набором культурных норм, ценностных ориентаций и историко-социальных факторов, характерных для конкретного общества. На эвфемизмы ложится выраженная социальная нагрузка: форми-

руясь под воздействием актуальных общественных установок, они служат инструментом соблюдения коммуникативных конвенций и минимизации потенциально негативных реакций адресата. Тем самым эвфемистические выражения представляют собой не просто нейтральные замены стигматизирующих обозначений, а языковые репрезентации доминантных морально-этических принципов и нормативно-ценностных регулятивов социума. Социальная природа эвфемизации проявляется в том, что её необходимость возникает как реакция на особо чувствительные или табуируемые темы, требующие тактичного вербального оформления. Выбирая эвфемистически маркированное наименование, говорящий адаптируется к социальным ожиданиям, демонстрирует уважение к собеседнику и стремится предотвратить осуждение, обиду либо коммуникативный диссонанс.

В дискурсивной перспективе эвфемизм трактуется как инструмент вторичной номинации, обеспечивающий семантическую редукцию негативно маркированного денотата и выполняющий функцию коммуникативного фасилитатора — более мягким, приемлемым для говорящего и слушающего, который способствует сохранению речевой корректности и социально нормативного имиджа высказывания. В дискурсивной перспективе эвфемизм трактуется как стратегия вторичной номинации и рефрейминга, смягчающая негативно маркированный денотат и выступающая более мягким, социально приемлемым вариантом выражения, который поддерживает речевую корректность и задаёт желательный интерпретационный ракурс в институционально заданном жанре [Chovanec, 2019, p. 53]. Н. С. Арапова и О. С. Ахманова относят к эвфемизмам «эмоционально-нейтральные, вежливые выражения, замещающие в речи грубые, нетактичные, неприличные слова» [Арапова, 1997, с. 565; Ахманова, 2005, с. 478]. Мотивационный спектр эвфемистических субституций полифункционален: от этико-речевой деликатности до стратегий социо-идеологической легитимации, направленных на минимизацию дискриминативного эффекта, нивелирование конфликтного потенциала высказывания, нейтрализацию суверенных опасений, а также поддержание позитивного имиджа коммуниканта [Шубина и др., 2023; Малюга и др., 2024].

Лингвистические исследования практически исчерпывающе обозначили тематические сферы, подверженные эвфемизации, — именно те социальные реалии, которые в культурном сознании маркируются как табуированные, неудобные или запретные [Зубкова и др., 2024; Ковшова, 2007; Крысин, 1994]. Традиционно исследование эвфемизмов велось в русле социолингвистики и прагматики: изучались их функции речевого этикета, политической корректности, манипуляции общественным мнением и т. д. [Сафина, 2014; Akopova, 2023; Alimov et al., 2024; Allan et al., 1991;

Antipova et al., 2021; Danilina et al., 2019]. В случае эвфемизации бедности СМИ, как правило, заменяют прямые стигматизирующие номинации более нейтральными и официально-деловыми перифразами. В экономическом дискурсе эвфемистические номинации реализуют две ключевые коммуникативно-прагматические функции — вуалирование и нормализацию: путём семантического смягчения они трансформируют общественную оценку фактического состояния экономики и принимаемых правительственных либо корпоративных мер, тем самым регулируя общественное мнение и поддерживая позитивный имидж государства и системообразующих компаний [Александрова и др., 2024; Шубина и др., 2025; Malyuga и др., 2024].

В рамках когнитивно-семантической парадигмы эвфемизация трактуется как процесс концептуального переосмысления, при котором неблагозвучный денотат репрезентируется сквозь призму альтернативной концептуальной области, что смягчает его негативный эффект. Как отмечает С. А. Логвина, эвфемизмы репрезентируют «кластер семиотических маркёров, обладающих эпистемо-аффективным потенциалом», детерминирующих когнитивный рефрейминг негативного содержания [Логвина, 2020, с. 718]. Несмотря на обилие исследований, посвящённых универсальным аспектам эвфемии, её связь с образом бедности в постсоветских медиапространствах до сих пор описана лишь фрагментарно. Особенно ограничен корпус сравнительных работ, охватывающих русскоязычные и узбекскоязычные медиа. Если в российской лингвистике отдельные аспекты эвфемизации бедности анализировались [Зверева, 2023; Миронина и др., 2023], то в узбекской науке подобные исследования практически отсутствуют: затрагивались лишь частные вопросы эвфемии в словарных и социолингвистических трудах [Рустамова, 2018; Fayziyeva, 2023]. Существующие подходы часто сводят эвфемизацию к стилистической редукции и поверхностному «смягчению», не учитывая когнитивные механизмы переключения сценариев и институциональную функцию переименований. Также мало разработан инструментарий операционализации социокультурной детерминированности эвфемизмов, что не позволяет их надёжно выявлять и сопоставлять в корпусе. Лексикографические описания фиксируют словарь, но не дискурсивную динамику и не показывают сдвиги регистров и оценок в публичной коммуникации. Наконец, межкультурные сопоставления зачастую ограничиваются общими рассуждениями об «универсальной» эвфемии, не выявляя различий в стратегиях, функционирующих в конкретных медиапространствах.

В отличие от этих традиций настоящее исследование опирается на двуязычный параллельный корпус (русско- и узбекскоязычные медиа) и реализует двухуровневую когнитивную схему анализа (тип тропики → фрей-

мовый сдвиг), что позволяет выявить не только приём замены, но и новую рамку интерпретации. Такой дизайн делает возможным воспроизводимое сравнение регистровых норм и фреймовых стратегий, а также прослеживание институциональных поворотов — от табуирующей «малообеспеченности» к легализованной «бедности». Тем самым новизна работы заключается в переходе от декларативного описания эвфемии к воспроизводимой процедуре анализа, объединяющей когнитивную, дискурсивную и межкультурную перспективы.

Цель исследования заключается в выявлении и описании ключевых когнитивно-семантических механизмов эвфемизации, а также фреймовых моделей репрезентации бедности в российских и узбекских онлайн-СМИ 2018—2024 годов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В ходе проведённого исследования в каждом из анализируемых языков было идентифицировано более тридцати разновидностей эвфемистических выражений. В первую очередь осуществлялся поиск эвфемистических единиц, используемых вместо прямых наименований *бедный, нищий* и их эквивалентов в узбекском языке — *камбагал (бедный), қашшоқ (нищий)* за исключением устойчивых институционализированных формул рамочного типа (*за чертой бедности / қашшоқлик чегараси остида*). Эти формулы трактуются как эвфемистические благодаря переводу референции во фрейм «порога / границы». Для этого были вручную проанализированы публикации 39 новостных и аналитических онлайн-изданий (как общереспубликанских, так и региональных) Российской Федерации и Республики Узбекистан за период 2018—2024 годов — всего 800 текстов (420 на русском и 380 на узбекском языке). В корпус включались текстовые фрагменты, в которых осуществлялось вербальное обозначение социально-экономического статуса субъектов при отсутствии прямых лексем *бедность / камбағалиқ*, что позволяло однозначно идентифицировать эвфемистические маркеры.

На втором, аналитическом этапе все собранные единицы были распределены по пяти базовым когнитивно-семантическим стратегиям, выделенным Б. Уоррен, — метафоре, метонимии, литоте, абстракции и обобщению [Warren, 1992; Lakoff et al., 1980]. Так, конструкция *оказаться за чертой бедности* отнесена к пространственно-топологической метафоре, лексема *малоимущий* классифицирована как литотическая отрицательная номинация в парадигме «отсутствие → редукция признака»; фраза *человек в трудных условиях* — проявление абстрагирования и обобщения, поскольку не конкретизирует финансовый аспект неблагополучия.

Классификация по Б. Уоррен задала лишь «первый уровень» описания; для реконструкции глубинных когнитивных сценариев каждого эвфемистического типа понадобилось фреймовое чтение данных. На этом третьем этапе был привлечён аппарат теории фреймов Ч. Филлмора: каждое выделенное выражение соотносилось с типичным ситуационным сценарием (фрейм) и рассматривалось с точки зрения того, какой «сдвиг рамки» (рефрейминг) оно инициирует [Fillmore, 1982]. Такой подход позволил проследить, как, например, метафора *за чертой* переводит восприятие адресата из фрейма «крайняя нужда» в фрейм «социальный порог», а литотическое *небогатый* переключает оценку на фрейм «скромный достаток». Описанный механизм когнитивного рефрейминга подробно интерпретирован В. И. Заботкиной и Е. М. Поздняковой, которые показывают, что смена рамки переводит негативное содержание в нейтральное и тем самым смягчает эмоциональную реакцию аудитории [Заботкина и др., 2022, с. 57]. Для наглядности результаты представлены в виде двух таблиц, содержащих русский субкорпус (табл. 1) и узбекский субкорпус (табл. 2), где показано распределение эвфемистических выражений по фреймовым категориям.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эвфемистические стратегии репрезентации бедности в русскоязычном медиадискурсе

Анализ сводного корпуса российских онлайн-СМИ показывает, что прямые лексемы базового ряда *бедный* / *нищий* в актуальном публичном дискурсе маргинализированы: их частотность минимальна, что коррелирует с редакторской ориентацией на стилистическую нейтральность и с прагматической задачей минимизации негативной экспрессии. Функцию номинации социально-экономически уязвимых групп берут на себя перифрастические эвфемизмы; при этом доминируют литотические и ситуационно-абстрактные решения. В новостно-публицистическом регистре лексема *небогатые* выполняет роль мягкого заменителя, запуская фрейм «умеренного / скромного достатка» (литота). Ср.: *Путин поручил помочь небогатым семьям жильем из «публичной собственности* [Путин поручил помочь ..., 2019]. Номинатив *малоимущие*, закреплённый в нормативно-правовой документации, маркирует домохозяйства, чьи доходы фиксируются ниже установленного порога, и тем самым сочетает литоту (редукция признака «обеспеченность») с институциональной метонимией индикатора/категории (привязка к критериям нуждаемости): *Почти 20 млн человек в России живут за чертой бедности. Малоимущим семьям приходится... [Кракова, 2019].* В обоих случаях негативно коннотированная лексема

бедные замещается нейтральной перифразой, реализующей когнитивную операцию литоты: отрицание позитивного признака (достатка) формирует более социально приемлемый образ адресата. Детализируя литотический класс, выделим подтип мелиоративных единиц, в которых редукция признака сочетается с ценностной позитивизацией.

Литотические стратегии не исчерпываются редуктивными префиксоидами (*не-, мало*); они расширяются за счёт прилагательных, имплицитно расширяющих количественную умеренность: *со скромным доходом, скромный бюджет*. Прилагательное *скромный* вводит мелиоративный компонент, активируя не только фрейм «умеренного достатка», но и аксиологический фрейм добродетели / бережливости, тем самым переводя восприятие с дефицитарной перспективы на ценностно-позитивный модус «экономной благоразумности». Ср: *Семьи со скромным достатком каждый месяц могут получать дополнительные деньги* [Семьи со скромным ..., 2024]. Сочетание литотических и мелиоративных средств формирует устойчивую когнитивно-семантическую конфигурацию: посредством отрицания положительного признака и акцентуации *скромности / умеренности* медиатексты нейтрализуют стигматизирующий компонент исходного концепта БЕДНОСТЬ, смещая перцептивный фокус аудитории с идеи острой нехватки ресурсов на социально одобряемую модель рационального потребления. Вместе с тем из-за высокой обобщённости атрибута *скромный* возможна зона интерпретационной неопределённости между состоянием бедности и «нижним» средним классом; этот предел смягчающего эффекта следует учитывать при анализе контекстов.

Параллельно литотическим мелиоративам функционирует кластер технократических обобщений, где негативно маркированный концепт БЕДНОСТЬ систематически подменяется количественно-технической характеристикой: *лица с низким доходом, семья с невысокими доходами, низкооплачиваемые работники, наименее обеспеченные слои населения*. Когнитивно здесь сочетаются обобщение и абстракция (перевод оценки из морально-социальной плоскости в параметр «уровень дохода»), а также метонимия индикатора / показателя (денотация задаётся через соотнесение с измеримой шкалой). Тем самым запускается фрейм «экономической шкалы / индикатора», в котором субъект не «бедный», а «позиционирован» на нижних ступенях метрики. Ср.: *в Росстате эти данные подтвердили, но отметили, что в последние пять лет число граждан с низкими доходами уменьшается* [Зона неблагополучия ..., 2021]; *чем сильнее средняя зарплата отличается от медианы, тем сильнее неравенство в оплате труда и выше доля людей с низкой зарплатой* [Зарплатное неравенство ..., 2019]. Прагматически подобные конструкции выполняют технократическую ней-

трализацию: они стилистически уместны в официально-деловом и статистическом регистрах, легитимируют управленческие решения (назначение мер поддержки) и десубъективируют ответственность, переводя проблему в обезличенную область мониторинга. Однако их смягчающий эффект ограничен: прилагательные *низкий* / *невысокий* сохраняют отрицательную валентность и в меньшей степени редуцируют стигму, чем литотические формулы типа *со скромным достатком*; отсюда — частотная коллокация с числовыми порогами (*ниже прожиточного минимума*), усиливающая восприятие как административно фиксируемого статуса, а не как персонального «ярлыка».

Отмеченные числовые пороги в свою очередь формируют особый подкласс — эвфемизмы, апеллирующие к нормативным социально-экономическим порогам, образуют в русскоязычном медиадискурсе отдельный подкласс номинаций, в семантическую структуру которых встроен официальный показатель — прожиточный минимум (метонимия индикатора / критерия + абстракция / квантификация). Ср.: *семья с доходом ниже прожиточного минимума, граждане, имеющие доходы ниже величины прожиточного минимума*. Эти конструкции громоздки, но широко применяются в новостях и официально-деловом регистре, поскольку звучат максимально нейтрально и фактически определяют бедность через бюрократический критерий, не употребляя самой лексемы *бедность*. Медиа цитируют официальные данные. Ср.: *Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума составила в 2021 году 12,7 %* [В прошлом году ..., 2023]; *В России за последние пять лет впервые сократилась доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума* [Росстат впервые за ..., 2018]). Эвфемистический эффект таких формул амбивалентен. Во-первых, исключение прямого наименования адресатов как «бедных» редуцирует негативную оценочность до технократического индикатора, активируя фреймы статистического измерения, нормативного порога и учёта. Во-вторых, отсылка к минимальному уровню достатка имплицитно подразумевает неспособность удовлетворить базовые потребности и при соответствующем контексте способна усиливать драматизм восприятия. В результате апелляция к прожиточному минимуму десубъективирует проблему и переводит её обсуждение в обезличенный бюрократический дискурс, одновременно закрепляя рефрейминг: «крайняя нужда» → «позиция относительно порога».

Наряду с технократическими и пороговыми номинациями значительный пласт составляют эвфемизмы ситуативно-обстоятельственного типа. Они представляют наиболее многочисленный подкласс, реализующий комбинацию абстракции и обобщения с элементом метонимии обстоятельства (обстоятельство вместо признака «бедный»). Они описывают эко-

номическое неблагополучие посредством лексем *положение, ситуация, условия, трудности*, избегая прямой денежной денотации: *находиться в трудном материальном положении, оказаться в непростом финансовом положении, переживать тяжёлые времена, жить в стеснённых обстоятельствах, пребывать в сложной экономической ситуации* и т. п. В таких контекстах бедность концептуализируется как транзиторное социально-экономическое состояние, преодолимое при наличии соответствующих институциональных и ресурсных предпосылок. Как отмечает М. И. Зверева, слова *ситуация / положение* привносят компонент временности и изменчивости, смягчая негативный смысл: создаётся впечатление, что сейчас трудно, но затем возможна позитивная динамика [Зверева, 2023, с. 99]. Этот механизм прямо связан с психологическим комфортом: говорить о временных финансовых трудностях менее травматично, чем прямо называть человека нищим. Подобные конструкции широко используются в социальных репортажах и официальных сообщениях: *Власти Башкирии предложили жителям в трудной финансовой ситуации пройти профессиональное обучение и получить единовременные выплаты* [В Башкирии соцконтракты ..., 2020] и *Сутенер использовал женщин с трудным материальным положением на Кубани* [Сутенер использовал ..., 2024]. Показательно влияние предлога: *в трудном положении* («погружение» субъекта внутрь нежелательной ситуации) противопоставлено конструкции *с тяжёлым материальным положением* (репрезентация трудности как свойства субъекта); оба варианта, однако, остаются нейтральными эвфемизмами, апеллирующими к фрейму «временных трудностей / испытаний».

Аналогичную конфигурацию образуют институционально-категориальные номинации: *нуждающиеся граждане, социально незащищённые слои населения, семьи в группе риска*. Здесь также реализуются обобщение и абстракция, но доминирует метонимия институциональной категории, когда принадлежность к группе обозначается через статус адресата мер, а не через прямую фиксацию бедности. Так, в сообщении *Нуждающиеся граждане России получают финансовую поддержку для подключения жилищ к газу* [Нуждающиеся граждане ..., 2022] лексема *нуждающиеся* соотносена с фреймом «дефицита ресурсов / помощи», но не специфицирует характер дефицита, что позволяет включать в денотат не только малоимущие домохозяйства, но и иные социальные категории. Еще пример: выражение *социально уязвимые категории населения* потенциально охватывает как экономически обездоленных, так и лиц с иными видами социальной уязвимости (инвалиды, сироты и др.); однако в дискурсе государственной социальной политики оно имплицитно маркирует и бедность. Высокая степень абстрагирования обеспечивает стилистическую нейтральность

и снижает стигматизацию, но одновременно генерирует семантическую неопределённость: без уточняющего контекста остаётся неясным, какая именно форма уязвимости подразумевается. Прагматически эти номинации запускают фреймы оценки риска и адресности мер, легитимируя управленческие решения при одновременной десубъективации адресатов.

В отличие от абстрактных и институционально-категориальных номинаций, метафорические эвфемизмы встречаются в медиакорпусе эпизодически, поскольку преобладающий стиль российского новостного дискурса — нейтрально-деловой, что ограничивает регулярность метафорических номинаций. Тем не менее некоторые концептуальные метафоры прослеживаются. Одна из наиболее распространённых — это пространственная метафора: бедность мыслится как некое пространство внизу или за чертой. Выражение *за чертой бедности* — характерный пример, где субъекту не приписывается прямо свойство бедности, а указывается его «местонахождение» относительно некой условной линии достатка: *Росстат оценил количество живущих за чертой бедности в России в 15,7 млн* [Росстат оценил ..., 2023]. Активируется пространственно-градуальный фрейм «линия-порог», реализующий метафору «внутри / вне»: топологический образ «за пределами» камуфлирует прямую атрибуцию бедности, переводя её в позиционирование относительно социального норматива. Вместе с тем в этой формуле присутствует оттенок безысходности: пересечение черты концептуализирует изолированность и «выталкивание» за пределы социально приемлемого уровня жизни. Тем самым пространственная метафора выполняет двойственную функцию: с одной стороны, устраняет прямое маркирование субъекта как «нищего», с другой — концептуализирует бедность в категориях пространственной изоляции и социального изгойства.

Помимо пространственной метафоры, русскоязычные медиа активно задействуют и метафоры бремени / давления (веса), репрезентирующие бедность как «тяжёлую ношу», переводя экономический дефицит в домен физической тяжести. В публицистически-разговорном регистре это проявляется через клише *нести тяжёлое финансовое бремя, жить под грузом долговых обязательств* и смежные формулы типа *едва сводить концы с концами* (образ дефицитарной балансировки / стыковки ресурсов). Ср.: *семьи, которые едва сводят концы с концами — их истории скажут больше, чем статистика... каждый день они борются за кусок хлеба* [Кракова, 2019]. Здесь работает связка «мягкая номинация → экспрессивное усиление»: первая формула выполняет эвфемистическую косвенную номинацию (обобщение / абстракция; фрейм балансировки), тогда как *борются за кусок хлеба* (метафора борьбы + метонимия базовой потребности) служит акцентатором эмпатии и драматургии. В официально-дело-

вом / новостном регистре та же семантика «давления» подаётся стерильно и технократично: *увеличить поддержку семей, испытывающих чрезмерное долговое давление; находиться под грузом долговых обязательств* — без экспрессивных усилителей, в логике стилистической нейтральности и минимизации аффектов. В обоих регистрах прагматический эффект сходен: стигма прямой атрибуции «бедные» нейтрализуется, внимание смещается с субъекта на внешнюю «носимую» тяжесть и / или на управляемую проблему. Когнитивно приём реализует двухшаговую операцию эвфемизации: (i) метафорическое проецирование (финансовый дефицит → физическая тяжесть: бремя расходов, тяжесть долгов), (ii) рефрейминг ответственности — «тяжесть» конструирует сценарий, в котором пострадавший лишь «носит» внешний груз, а причины бедственного положения экстернализируются (экономический кризис, долговая нагрузка, особенности социальной политики и пр.). Таким образом, силовая метафорика «бремени / давления» оказывается не изолированным приёмом, а частью более широкой системы эвфемизации, характерной для русскоязычного медиадискурса.

В целом в русском субкорпусе бедность системно репрезентируется через замену прямых номинаций перифрастическими эвфемизмами, при этом ядром выступают литотические решения, переводящие оценку из плоскости «обладания» в режим редукции признака и «умеренного достатка». Параллельно широко задействованы технократические обобщения и пороговые формулы, которые квантифицируют явление через доходные шкалы и официальный индикатор прожиточного минимума; тем самым негативная коннотация дискурсивно преобразуется в управляемую категорию мониторинга. Массовый пласт составляют ситуативно-обстоятельственные конструкции, рефреймирующие бедность как временное, внешнее по отношению к субъекту состояние, тогда как институционально-категориальные номинации («адресаты мер») десубъективируют проблему, закрепляя статус принадлежности к группе помощи. Метафорические модели фиксируются реже, но задают важные когнитивные траектории: топологическая («за чертой») переводит интерпретацию в фрейм порога, а силовая («бремя / давление») — во фрейм внешней тяжести, смещая ответственность с личности к структурам и обстоятельствам. В терминах Б. Уоррен, доминируют операции литоты, абстракции, обобщения и метонимии индикатора / обстоятельства; фреймовая перспектива Ч. Филлмора показывает устойчивый сдвиг от сценария «крайней нужды» к сценариям «порог / норма», «временные трудности» и «административно управляемая категория». Прагматически этот комплекс стратегий обеспечивает вуалирование и нормализацию темы, снижение стигмы и легитимацию управленческих решений, но побочно порождает семантическую расплывчатость и риск

недооценки остроты явления. Эти выводы опираются на ручной отбор и классификацию единиц из русскоязычных медиа с применением двухуровневой модели анализа (тип операции → фреймовый рефрейминг), что позволило выявить не только заменители, но и устойчивые когнитивные сценарии репрезентации бедности в медиадискурсе. Суммируя русскоязычные данные, представим классификацию эвфемизмов по концептуальным фреймам и когнитивным операциям (по Б. Уоррен с фреймовой интерпретацией по Ч. Филлмору) — см. таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Когнитивные фреймы эвфемизации концепта БЕДНОСТЬ
в русскоязычном медиадискурсе

Концептуальный фрейм	Примеры эвфемистических номинаций	Когнитивный механизм
Недостаток / низкий доход	<i>малоимущий; малообеспеченный; с низким доходом; с низкой зарплатой</i>	литота (отрицание достатка); обобщение через доход
Скромность (умеренный достаток)	<i>небогатый; со скромным достатком; скромный бюджет</i>	литота (эвфемистически положительная характеристика); позитивная метафора добродетели
Временные трудности / ситуация	<i>в трудном положении; в тяжёлой ситуации; испытывающий трудности</i>	абстракция и обобщение (обстоятельства вместо черты характера)
Социальный критерий / порог	<i>доход ниже прожиточного минимума; за чертой бедности</i>	метонимия индикатора/показателя; пространственная метафора (граница)
Нужда / отсутствие средств	<i>нуждающиеся граждане; без средств к существованию; социально незащищённые</i>	прямая метонимия (нужда вместо бедности)
Борьба / выживание	<i>сводить концы с концами; бороться за хлеб; выживать</i>	метафора войны / испытания (бедность как враг или тяжёлое испытание)
Упадок / кризис	<i>материальный упадок; неблагополучный (район)</i>	метафора падения / болезни (бедность как деградация)

Как видно из таблицы (табл. 1), ядро репертуара формируют фреймы «недостаток / низкий доход» и «временные трудности / ситуация», где доминируют операции литоты (редукция признака достатка, в том числе мелиоративные «скромные» обозначения) и абстракции / обобщения (перевод оценки в нейтральные обстоятельства и параметры уровня дохода). Существенную роль играет и метонимия индикатора в фрейме «социаль-

ный критерий / порог»: пороговые формулы с отсылкой к прожиточному минимуму квантифицируют явление и закрепляют его как административно управляемую категорию мониторинга.

3.2. Эвфемистическая репрезентация бедности и её фреймовая организация в узбекоязычном медиадискурсе

В узбекоязычном медиапространстве эвфемизмы бедности характеризуются преимущественно официально-деловым стилем и недавними социальными реформами. Как отмечалось, ранее в республике прямое слово *камбагаллик* (бедность) практически не употреблялось на высоком уровне, вместо него укоренились терминологические выражения, совпадающие по смыслу с русским *малообеспеченность*, см.: [Юсупов, 2021]. В современном корпусе узбекских СМИ можно насчитать не менее трёх десятков различных эвфемистических оборотов, обозначающих бедных граждан. Многие из них представляют собой кальки или эквиваленты русских бюрократических терминов, другие — специфически узбекские институциональные понятия, появившиеся в последние годы.

В административно-правовом регистре узбекских медиа формально закреплена лексема *кам таъминланган* (малообеспеченный) и её дериваты *кам таъминланган оилалар* (малообеспеченные семьи). Эта номинация функционирует как литотическая отрицательная, смягчающая прямую негативную коннотацию *камбагал* / *қашшоқ*, и одновременно как метонимия институциональной категории: статус нуждаемости маркируется через включение в реестр: ...*кам таъминланган оилаларни аниқлаш ва уларга нафақа тайинлаш “Ижтимоий ҳимоя ягона реестри” орқали амалга оширилади* [Nafaqa olish. ..., 2023] (...идентификация **малообеспеченных семей** и назначение им пособий осуществляется через Единый реестр социальной защиты) (здесь и далее перевод наш. — Т. А.). С точки зрения фреймов происходит сдвиг от «личной нужды» к «административно учтённой нуждаемости / адресату мер», что десубъективизирует проблему и обеспечивает технократическую нейтрализацию при одновременной легитимации адресной поддержки.

Аналогичный приём реализуется лексемой *эҳтиёжманд* (нуждающийся), функционирующей как собирательное обозначение адресатов государственной поддержки. Ср.: *Тошкентда “эҳтиёжманд оилалардаги хотин-қизлар” учун ОТМга тавсияномалар қабул қилинмоқда* [Эҳтиёжманд хотин-қизлардан ..., 2024] (*В Ташкенте принимают рекомендации в вузы для девушек из нуждающихся семей*). В конструкции *эҳтиёжманд оилалар* (нуждающиеся семьи) доминируют операции обобщения и абстракции: тип нужды не специфицируется, а бедность подменяется общей «нуждаемостью». Параллельно задействована метонимия институциональной

категории: принадлежность к группе задаётся через статус адресата мер, а не через прямую фиксацию материальной депривации. В фреймовых терминах происходит рефрейминг от «личной бедности» к сценарию «зависимость от поддержки / право на помощь (критерий включения)», что снижает стигму и легитимирует распределение помощи. Эвфемистический потенциал лексемы объясняется её обобщённостью: без уточняющего контекста остаётся неясным, какую именно потребность (финансовую, жилищную, медицинскую и т. д.) предполагается компенсировать.

Кроме базовых номинаций, в официальном дискурсе функционируют и более сложные синтагмы, например: *ижтимоий ҳимояга муҳтож* (нуждающихся в мерах социальной поддержки). Ср.: Ўзбекистонда *ижтимоий ҳимояга муҳтож* аҳоли вакилларига янги имкониятлар яратилади ... [O‘zbekistonda ijtimoiy himoyaga ..., 2024] (*В Узбекистане будут созданы новые возможности для представителей населения, нуждающихся в мерах социальной поддержки*). Подобные конструкции обладают ещё более выраженным бюрократическим характером: они имплицитно не столько фактический дефицит ресурсов, сколько зависимость субъекта от государственной протекции, тем самым переводя концепт БЕДНОСТЬ во фрейм «опеки и защиты». Соответствующий фреймовый сдвиг переводит интерпретацию из сценария «материальная нехватка» в сценарий «опека / патронаж», где адресат мыслится как объект регулируемой помощи. Регулярные лексические опоры — *муҳтож* (нуждающийся) и *таъминланган* (обеспеченный) — поддерживают бюрократическую терминологизацию (в том числе вследствие деривационных ограничений в выразимости *обеспечивать*), что десубъективирует оценку и создает эффект семантического затемнения: негативная коннотация сглаживается, а «бедность» репрезентируется как нейтральный, технически администрируемый статус.

От правовых терминов перейдём к культурно-специфическому кластеру эвфемизмов, отражающих реалии государственных программ адресной поддержки, где ключевым маркером выступает *дафтар* (тетрадь): *темир дафтар* (железная тетрадь) — реестр домохозяйств с подтверждённым статусом малообеспеченности; *айоллар дафтари* (женская тетрадь) — перечень женщин, признанных нуждающимися в материальной поддержке; *меҳр дафтари* (тетрадь милосердия) — список детей-сирот и иных лиц, относящихся к особо уязвимым группам. Ср.: Ўзбекистонда «*темир дафтар*»га *киритилган* оилаларга қандай тартибда тиббий хизмат кўрсатилади? [Ўзбекистонда «темир дафтар»га ..., 2022] (*Как оказывается медицинская помощь семьям, внесённых в «железную тетрадь» в Узбекистане?*). Когнитивно-семантически конструкции типа *темир дафтар* (железная тетрадь) опираются на сложное взаимодействие ме-

тафоры и метонимии. С одной стороны, базовая метафора «документ → социальная гарантия» переносит материальный объект *дафтар* (*тетрадь*) в абстрактную сферу социального статуса, символизируя «твёрдость» и «непоколебимость» государственной опеки (адъектив *темир* (*железный*)) усиливает имплицитную идею надёжности и необратимости поддержки. С другой стороны, сам акт внесения фамилии в реестр реализует метонимическое смещение: «наличие записи → принадлежность к льготной категории». В результате негативная характеристика «бедная семья» маскируется административным фактом «семья учтена в определённом списке», что позволяет медиадискурсу переключить внимание адресата с дефицита ресурсов на институциональный механизм помощи.

Фреймовое моделирование показывает, что подобные номинации активируют сразу три взаимосвязанных сценария: (а) «учёт / регистрация» (базовый процесс, в котором субъект становится «видимым» для государства); (б) «контроль / мониторинг» (предполагаемая периодическая верификация нуждаемости); (в) «распределение ресурсов» (обещание целевых льгот). Тем самым единицы типа *темир дафтар* (железная тетрадь) выполняют двойную прагматическую функцию: они одновременно легитимируют статус получателя и позитивно маркируют деятельность властей, демонстрируя прозрачность и адресность социальной политики.

Аналогичную функцию выполняет выражение *айоллар дафтари* (*женская тетрадь*): *Аёллар дафарига киритилган хотин-қизларга тикув машинаси олиш учун субсидия берилади* [Аёллар дафарига киритилган ..., 2024] (*Женщинам, внесённым в женскую тетрадь, предоставляются субсидии на покупку швейных машин*). Необходимо отметить, что подобная модель семиотизации бедности практически не имеет прямых параллелей в русском медиадискурсе: там преобладает семантически прозрачная формула *внесён(а) в список малоимущих*, лишённая образного компонента. Следовательно, «тетрадная» метафора выступает как культурно-специфический когнитивный шаблон, укоренённый в традициях махаллинского (общинного) учёта и транслирующий ценность коллективной заботы через знакомый бытовой артефакт — школьную тетрадь.

Наряду с преимущественно бюрократическими номинациями малообеспеченных слоёв населения активно функционирует ситуативный эфемистический тип *огир* + *От* (*тяжёлый* + *сущ.*). К нему относятся сочетания *огир ижтимоий аҳвол* (*тяжёлое социальное положение*), *турмуш шароити огир* (*тяжёлые условия жизни*), *қийин вазиятда қолган* (*оказавшийся в сложной ситуации*), *огир моддий таназзул* (*тяжёлый материальный упадок / кризис*), *огир ҳаётӣй вазиятда* (*в тяжёлой жизненной ситуации*) и т. д., функционально изоморфные русским клише *тяжёлое*

материальное положение / сложная жизненная ситуация, образуя кросс-языковую изоглоссу эвфемистического описания бедности. Ср.: ...**ижтимой аҳволи оғир** бўлган оилаларга моддий ёрдам кўрсатиб бориш тизими йўлга қўйилади [Ижтимой аҳволи оғир ..., 2022] (....будет налажена система оказания материальной помощи семьям с **тяжёлым социальным положением**); **Оғир ҳаётӣй вазиятда** қолган хотин-қизлар учун яна 40 шелтер очилади [Og'ir vaziyatda qolgan ..., 2019] (Для женщин, **оказавшихся в тяжёлой жизненной ситуации**, откроют ещё 40 приютов). С точки зрения когнитивно-семантических процессов здесь сочетаются: абстракция и обобщение (бедность репрезентируется как внешние обстоятельства: *аҳвол, шароит, вазият (положение, условия, ситуация)*, — а не как устойчивое свойство индивида) + метонимия обстоятельства (обстоятельство вместо признака «бедный») + оценочная метафора «вес → трудность» (атрибут *оғир* (тяжёлый) активизирует образ физической тяжести и конструирует «социально-экономическое бремя»). Во фреймовой перспективе Ч. Филлмора локатив *-да (вазиятда / аҳволда)* погружает субъекта в сценарий временных трудностей / испытаний, что снижает стигму прямой атрибуции и подразумевает возможность преодоления при институциональной поддержке. Комбинация указанных приёмов задаёт важный коммуникативный эффект: а) десубъективирует негативную оценку: бедность перестаёт звучать как индивидуальная «вина» и транслируется как внешнее обстоятельство; б) легитимирует государственный патронаж, поскольку большинство подобных сообщений сопровождается упоминанием адресной помощи. Например: ... **ижтимой аҳволи оғир** бўлган оилаларга моддий ёрдам кўрсатиб бориш тизими йўлга қўйилади [Ижтимой аҳволи оғир ..., 2022] (....будет налажена система оказания материальной помощи семьям с **тяжёлым социальным положением**). В итоге эвфемистическая номинативная модель *оғир + От* (тяжёлый + сущ.) выступает как эффективный когнитивный инструмент семантического сглаживания концепта БЕДНОСТЬ и одновременно — средством его административно управляемой репрезентации: негативное состояние трактуется как временное и адресно корректируемое, а не как перманентный личностный статус.

В проанализированном корпусе узбекских медиа широко представлены каузальные метонимии, где конструкт «бедность» эксплицируется не напрямую, а выводится из социально легитимных детерминант: *ишсиз (безработный), меҳнатга қобилиятсиз (нетрудоспособный), боқувчисини йўқотган (лишившийся кормильца)*. Ср.: ...**меҳнатга қобилиятсиз** фуқаролар учун бериладиган нафақа миқдори 315 минг 30 сўмдан 400 000 сўмга кўтарилди [Boquvchisini yo'qotganlik pensiyasi ..., 2021] (... размер пособия для **нетрудоспособных** граждан был увеличен с 315 030 сумов до

400 000 сумов); ...**боқувчисини йўқотган шахсларга** марҳум ходимнинг 6 йиллик иш ҳақи суммаси миқдориди нафақа тўланади [Fuqarolarning davlat pensiya ..., 2020] (...**лицам, потерявшим кормильца, выплачивается пособие в размере шестилетней заработной платы умершего работника**). Каждая единица активирует в когнитивном сознании адресата фрейм «причина → следствие», в котором негативное состояние (бедность) выводится из объективных, социально легитимных причин: безработицы, инвалидности, утраты кормильца или отсутствия жилья. Семантический эффект достигается посредством метонимического переноса: прямой денотат **қашшоқлик** (**нищета**) систематически подменяется наименованием коррелирующего обстоятельства. Такая стратегия десемантизирует стигматизирующий компонент базового концепта, поскольку когнитивное внимание смещается с личной «вины» субъекта на внешние, структурные факторы. В результате формируется дискурсивная схема «обоснованной уязвимости», при которой неблагоприятное материальное положение интерпретируется как следствие непредотвратимых социальных рисков, а не как индикатор морального несовершенства индивида. Необходимо подчеркнуть, что термины **ишсиз** (**безработный**), **меҳнатга қобилиятсиз** (**нетрудоспособный**) сами по себе не равны «бедности», поэтому их эвфемистический эффект релевантен при явной связке с контекстом нуждаемости / поддержки.

Практическая реализация данной модели прослеживается в газетных списках бенефициариев соцподдержки, где перечисленные категории фигурируют рядом с термином **кам таъминланган** (**малообеспеченный**). Например, вместо прямой квалификации **камбагал ёлғиз кекса шахс** (**бедный одинокий пожилой человек**) журналисты предпочитают синтагму **реестрга киритилган ёлғиз кекса шахс** (**внесённая в реестр одиноких пожилых лиц**): 2024 йил 1 февралдан бошлаб реестрга **киритилган ёлғиз кексалар** ва ногиронлиги бўлган **шахсларга** давлат томонидан кафолатланган ижтимоий хизматлар ва ёрдам ижтимоий хизмат кўрсатиш шартномаси асосида кўрсатилади [Keksalar va nogironlarga ..., 2024] (**С 1 февраля 2024 года одиноким пожилым гражданам и лицам с инвалидностью, внесённым в реестр, гарантированные государством социальные услуги и помощь будут оказываться на основании договора о социальном обслуживании**), тем самым транспонируя акцент с финансовой несостоятельности на формально зафиксированный социальный статус. Аналогичным образом выражение **уй-жойини таъмирлашга муҳтож** (**нуждающийся в ремонте жилья**) подменяет оценку «крайней нужды» конкретным объектным дефицитом. Ср.: Манзилли дастурга кўра, **уй-жойини таъмирлашга муҳтож** бўлган 560 оиладан 504тасининг уй-жойида тўлиқ таъмирлаш ишлари

туғатилган-перевод [Taxiatoshda 54 oila ..., 2019] (*Согласно адресной программе, из 560 семей, нуждающихся в ремонте жилья, в домах 504 семей ремонтные работы полностью завершены*). Прагматически эта стратегия повышает эмпатический потенциал сообщения: указание на каузальные факторы активирует у реципиента сценарии сочувствия, перераспределяя оценку с личностного уровня на структурно-социальный. Одновременно происходит десубъективация ответственности: бедность репрезентируется как следствие системных дисфункций, подлежащих институциональному вмешательству, а не как индивидуальная «провинность». Именно поэтому в социально-политическом дискурсе подобные эвфемизмы нередко сочетаются с упоминанием адресных мер поддержки, что дополнительно усиливает фрейм «государственного патронажа».

Следует отдельно подчеркнуть динамику употребления лексемы *қаишоқлик* (*нищета*) и её дериватов в узбекоязычном медиадискурсе. Рост её частотности коррелирует с институционализацией государственной программы *камбағалликни қисқартириш* (*сокращение бедности*), что привело к частичной десакрализации прежнего табу на прямое наименование социального явления. Тем не менее прямое употребление указанной лексемы, как правило, сопровождается обходной стратегией: авторы дополняют её количественно-технократическими перифразами типа *яшаи минимудан наст даромад* (*доход ниже прожиточного минимума*), благодаря чему оценочный концепт **ҚАШШОҚЛИК (НИЩЕТА)** трансформируется в статистическую категорию. Ср.: *Ҳозирги кунда мамлакат аҳолисининг 15 фоизи яшаи минимудан наст даромад билан кун кечирмоқда* [Коррупция ва миллий ..., 2024] (*В настоящее время 15 % населения страны проживает с доходом ниже прожиточного минимума*). Конструкция *қаишоқлик чегараси остида* (*ниже черты бедности*) репрезентирует калькированную из русскоязычного дискурса пространственно-количественную метафору, в которой бедность концептуализируется как позиция «по ту сторону» нормативного порога. Упоминание «*прожиточного минимума*» (узб. *тирикчилик даражасидан наст*) также вошло в оборот: *ОТБ ҳисоботи 2018: Ўзбекистонда 11,4 фоиз аҳоли тирикчилик даражасидан наст кун кечираётгани айтилади* [5600 сўм ва чегарасиз ..., 2020] (*Отчёт АБР 2018: 11,4 % населения Узбекистана живут ниже уровня прожиточного минимума*). Тем самым наблюдается двойной когнитивно-семантический сдвиг: (1) литотическое смягчение негативной коннотации за счёт опоры на числовой индикатор «прожиточный минимум» и (2) метафорическое картографирование социально-экономического состояния в терминах вертикального пространства («над/под чертой»). В результате бедность предстает не как стигматизирующее качество индивида, а как из-

меряемый показатель, подлежащий мониторингу и управлению в рамках бюрократической модели «государственного патронажа».

В узбекоязычном субкорпусе эпизодически фиксируется патологизирующая образность вокруг бедности (очерково-аналитические жанры), ср. заголовок: *Оғир хасталик ва моддий таназзул*. Наманганлик оила қийин кунларни бошидан ўтказмоқда [Оғир хасталик ва ..., 2019] («**Тяжёлая болезнь и материальный упадок**»). Семья из Намангана переживает тяжёлые времена»), где *касаллик / хасталик (болезнь)* активизирует фрейм диагностики / лечения, а *моддий таназзул (материальный упадок)* выступает эвфемистической абстракцией материальной депривации. В терминах Б. Уоррен, данный фрагмент демонстрирует локальную метафору, где бедность патологизируется через отсылку к болезни, и абстракцию, поскольку «материальный упадок» замещает прямое номинирование бедности обобщённой формулой «истощение / деградация». Дополнительно прослеживается элемент метонимии симптома, когда конкретные проявления трудной жизненной ситуации (упадок, кризис) концептуализируются как «симптоматика» более широкой социальной патологии. В совокупности эти операции обеспечивают эффект дистанцирования от прямого наименования и создают у адресата образ «состояния, требующего диагностики и коррекции», но без жёсткой привязки к индивидуальной «вине». Однако продуктивной модели «бедность = болезнь» корпус не демонстрирует; потому трактуем такие случаи как точечный эмпатический усилитель на фоне доминирующего институционально-патронажного кадрирования.

Таким образом, узбекоязычный медиадискурс демонстрирует высокую институционализацию эвфемии: вместо прямых лексем *камбагал / қашшоқ* преобладают нейтральные «адресно-социальные» обозначения статуса. Доминируют метонимия индикатора / категории и литота: оценка смещается к уровню материального обеспечения и к статусу «соответствия критериям помощи», тогда как абстрагирующие ситуативные формулы рефреймируют бедность как временное состояние. Культурно-специфический пласт образуют реестровые номинации, где факт регистрации подменяет негативную атрибуцию. Пороговые конструкции с отсылкой к официальным минимумам закрепляют бюрократическую квантификацию. Прагматически этот комплекс стратегий снижает стигму, легитимирует управленческие решения и переводит фокус с личной «несостоятельности» на механизмы учёта и распределения, однако порождает семантическую расплывчатость типа нуждаемости. Узбекоязычный массив сводится к системе перифрастических номинаций, распределённых по концептуальным фреймам и когнитивным операциям, что отражено в таблице (табл. 2).

Таблица 2

Когнитивные фреймы эвфемизации концепта БЕДНОСТЬ
в узбекоязычном медиадискурсе

Концептуальный фрейм	Примеры эвфемистических номинаций	Когнитивный механизм
Недостаточная обеспеченность	<i>кам таъминланган оила (малообеспеченная семья); эъ кам маош (минимальная зарплата)</i>	литота (отрицание достатка); метонимия через указание на доход
Нуждаемость / зависимость от помощи	<i>эхтиёжманд оилалар (нуждающиеся семьи); ижтимоий ҳимояга муҳтож (нуждающийся в соцзащите)</i>	обобщение (нужда в общем виде); акцент на внешней помощи
Тяжёлые условия / ситуация	<i>огир турмуш шароити (тяжёлые условия жизни); қийин аҳволда (в сложном положении); қийин молиявий вазиятда (в трудной финансовой ситуации)</i>	абстракция и эвфемизм ситуации (временные трудности)
Регистрация в списке	<i>темир дафтарга киритилган (внесённый в «железную тетрадь»); аёллар дафтари (женская тетрадь)</i>	метафора документа/реестра (бедность как статус в реестре); метонимия по названию программы «запись → статус»
Причины бедности	<i>Ишсиз (безработный); боқувчисиз (без кормильца); уйсиз (бездомный)</i>	метонимия (описание через причину / следствие)
Черта бедности (порог)	<i>қашиоқлик чегараси (черта бедности); яшаи минимумдан паст (ниже минимума жизни)</i>	метафора пространства и количества (граница, минимум)

Как видно из таблицы, ядро репертуара формируют фреймы «недостаточная обеспеченность» и «нуждаемость / зависимость от помощи», где доминируют операции литоты и метонимии институциональной категории (табл. 2). Значимую долю составляют фреймы «тяжёлые условия / ситуация», репрезентирующие бедность через абстракцию обстоятельств, и «регистрация в списке», основанная на связке метафоры документа и метонимии записи как статуса. Дополняют систему фреймы «причины бедности» (причинно-следственные метонимии) и «черта бедности (порог)», сочетающая пространственные и количественные метафоры. В целом распределение подтверждает сдвиг интерпретации от прямой номинации «крайней нужды» к сценариям статуса, учёта и административно управляемой категории.

Представленные данные демонстрируют устойчивую стратегию эвфемизации: негативно маркированный концепт БЕДНОСТЬ переводится в режим нейтрального описания через редукцию признака достатка, апелляцию к обстоятельствам / ситуации и квантификацию по официальным индикаторам. На уровне фреймов это соответствует сдвигу от сценария «крайней нужды» к сценариям «временные трудности», «порог / норма» и «административно управляемая категория». При этом метафорический слой — от пространственной модели до образов «бремени / давления» — выступает точечным усилителем эмпатии и проблематизации. Суммарная типология и распределение единиц по когнитивным операциям и фреймам сведены в таблицы (табл. 1—2); они задают опорную карту для заключительного сопоставления двух языковых массивов.

4. Заключение = Conclusions

Исследование двух субкорпусов выявляет, с одной стороны, конвергенцию базовых когнитивно-семантических механизмов, а с другой — существенные дивергентные черты, детерминированные социокультурной спецификой соответствующих коммуникационных пространств. Конвергируют базовые механизмы по Б. Уоррен: литота, абстракция / обобщение и метонимия индикатора / категории. В обоих массивах прямые стигматизирующие лексемы вытесняются перифразами, а во фреймовой перспективе Ч. Филлмора наблюдается схожий сдвиг от сценария «крайней нужды» к «порогу / норме», «временной трудности / ситуации» и «административно управляемой категории». Общей изоглоссой выступает ситуативная модель «тяжёлого положения / условий», а также пороговая репрезентация через официальные шкалы (черта / минимум), переводящие оценку в режим мониторинга.

Дивергентные черты касаются прежде всего степени институционализации и образного репертуара. Узбекоязычный корпус характеризуется высокой степенью бюрократизации: доминируют статусы «нуждаемости / поддержки» и технократические конструкции учёта, включая культурно-специфический «реестровый» кластер с ключевым маркером *дафтар* (тетрадь) (связка «документ → гарантия», «запись → статус»), которому нет функционально равного образного эквивалента в русском массиве. Русскоязычный корпус, при сохранении официально-деловой оптики, шире задействует публицистически-разговорные клише и метафорику «бремени / давления» наряду с пространственной моделью «за чертой», что делает образ бедности более персонализированным и эмпатичным. Различается и степень «очеловечивания» нарратива: узбекские тексты чаще фиксируют бедность как учётный, контролируемый статус получателя мер; русские — как сочетание статистической категории и человеческой истории.

По прагматическому эффекту обе системы сходны: эвфемизация снижает стигму, нормализует обсуждение и легитимирует управленческие решения. Однако риски смещаются: в русском массиве сглаживание через литотические и мелиоративные формулы чревато «размыванием» границы между бедностью и «скромным достатком»; в узбекском — усиливается десубъективация и семантическая неопределённость типа нуждаемости из-за преобладания статусных и учётных номинаций. Историко-дискурсивный фон также различен: в Узбекистане долгий период институционального табу на прямое наименование бедности сменился технократической открытостью, тогда как в России табу носит преимущественно этикетно-регистрационный характер.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *Аёллар дафарига киритилган хотин-кизларга тикув машинаси олиш учун субсидия берилди* [Электронный ресурс] / NOR.uz : [веб-сайт]. — 11.03.2024. — Режим доступа : <https://nor.uz/?p=17858> (ташриф санаси 21.06.2025).
2. *В Башкирии соцконтракты могут получить 4,4 тысячи семей* [Электронный ресурс] / РБК-Уфа : [веб-сайт]. — 06.07.2020. — Режим доступа : <https://ufa.rbc.ru/ufa/06/07/2020/5f0319c89a794782bd1b9035> (дата обращения 21.06.2025).
3. *В прошлом году Росстат отчитался о рекордно низком уровне бедности. Мы проверили эти расчёты — и нашли больше трёх миллионов малоимущих, которые выпали из статистики* [Электронный ресурс] / Если быть точным : [веб-сайт]. — 13.09.2023. — Режим доступа : <https://tochno.st/materials/v-proshlom-godu-rosstat-otchitalsya-o-rekordno-nizkom-urovne-bednosti-my-proverili-eti-raschety-i-nashli-bolshe-trekh-millionov-maloimushchikh-kotorye-vypali-iz-statistiki> (дата обращения 21.06.2025).
4. *Зарплатное неравенство : сколько и где официально зарабатывают россияне* [Электронный ресурс] / РБК : [электронная газета]. — 20.07.2019. — Режим доступа : <https://www.rbc.ru/economics/20/07/2019/5d317d739a7947d7fa1672a3> (дата обращения 21.06.2025).
5. *«Зона неблагоприятия» : в каких регионах больше всего бедных* [Электронный ресурс] / Газета.Ru : [электронная газета]. — 01.07.2021. — Режим доступа : <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/01/13692236.shtml> (дата обращения 21.06.2025).
6. *Йил раками : 5600 сўм ва чегарасиз камбағаллик* [Электронный ресурс] / Ozodlik : [веб-сайт]. — 24.12.2020. — Режим доступа : <https://www.ozodlik.org/a/yil-raqami-5600-so-m-va-chegarasi-yo-q-kambag-allik/31017564.html> (ташриф санаси 21.06.2025).
7. *Коррупция* ва миллий тараққиёт: Муаммо ва ечим [Электронный ресурс] / Xs.uz : [веб-сайт]. — 05.06.2024. — Режим доступа : <https://xs.uz/uzkr/post/korrupsiya-va-millij-taraqqiyot-muammo-va-echim> (ташриф санаси 18.08.2025).

8. Кракова С. Почти 20 млн человек получили пособия на детей [Электронный ресурс] / С. Кракова // Газета.Ru : [электронная газета]. — 2019. — 16 апр. — Режим доступа : <https://www.gazeta.ru/business/2019/04/16/12298747.shtml> (дата обращения 15.06.2025).

9. Нуждающиеся граждане России получают финансовую поддержку для подключения жилищ к газу [Электронный ресурс] / Известия Мордовии (izvmor.ru) : [веб-сайт]. — 18.10.2022. — Режим доступа : <https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/nuzhdayushhiesyagrazhdane-rossii-poluchat-finansovuyu-podderzhku-dlya-podklyucheniya-zhilishh-k-gazu/> (дата обращения 22.06.2025).

10. «Оғир хасталик ва моддий таназул». Наманганлик оила кийин кунларни бошидан ўтказмоқда [Электронный ресурс] / Kun.uz : [веб-сайт]. — 23.07.2019. — Режим доступа : <https://kun.uz/kr/09049937> (ташриф санаси 21.06.2025).

11. Путин поручил помочь небогатым семьям жильем из «публичной собственности» [Электронный ресурс] / РБК : [газета]. — 18.07.2019. — Режим доступа : <https://www.rbc.ru/society/18/07/2019/5d30ab3c9a794796ea970626> (дата обращения 24.06.2025).

12. Росстат впервые за пять лет зафиксировал снижение уровня бедности [Электронный ресурс] / Business FM : [веб-сайт]. — 23.07.2018. — Режим доступа : <https://www.bfm.ru/news/390468> (дата обращения 21.06.2025).

13. Росстат оценил количество живущих за чертой бедности в России в 15,7 млн [Электронный ресурс] / Forbes : [веб-сайт]. — 06.09.2023. — Режим доступа : <https://www.forbes.ru/society/495991-rosstat-ocenil-kolicestvo-zivusih-za-certoj-bednosti-v-rossii-v-15-7-mln> (дата обращения 21.06.2025).

14. Росстат сообщил о снижении уровня бедности в России [Электронный ресурс] / Forbes : [веб-сайт]. — 11.06.2025. — Режим доступа : <https://www.forbes.ru/society/539501-rosstat-soobsil-o-snizhenii-urovna-bednosti-v-rossii> (дата обращения 24.06.2025).

15. Семьи со скромным достатком каждый месяц могут получать дополнительные деньги [Электронный ресурс] / K1NEWS.RU : [веб-сайт]. — 08.02.2024. — Режим доступа : <https://k1news.ru/news/society/semi-so-skromnym-dostatkom-kazhdyy-mesyats-mogut-poluchat-dopolnitelnye-dengi/> (дата обращения 21.06.2025).

16. Сутенер использовал женщин с трудным материальным положением [Электронный ресурс] / Краснодар. БезФормата : [веб-сайт]. — 2024. — Режим доступа : <https://krasnodar.bezformata.com/listnews/sutener-ispolzoval/138736785/> (дата обращения 18.08.2025).

17. Ўзбекистонда «темир дафтар»га киритилган оилаларга қандай тартибда тиббий хизмат кўрсатилди? [Электронный ресурс] / Daryo.uz : [веб-сайт]. — 15.09.2022. — Режим доступа : <https://daryo.uz/k/2022/09/15/ozbekistonda-temir-daftarga-kiritilgan-oilalarga-qanday-tartibda-tibbiy-xizmat-korsatiladi> (ташриф санаси 21.06.2025).

18. Эҳтиёжманд хотин-қизлардан ОТМда ўқиш учун тавсияномага аризалар қабули бошланди [Электронный ресурс] / Kun.uz : [веб-сайт]. — 31.05.2024. — Режим доступа : <https://kun.uz/kr/news/2024/05/31/ehtiyojmand-xotin-qizlardan-otmda-oqish-uchun-tavsiyanomaga-arizalar-qabuli-boshlandi> (ташриф санаси 21.06.2025).

19. Юсупов Ю. Как сократить бедность в Узбекистане [Электронный ресурс] / Ю. Юсупов // CED.uz : [электронная газета]. — 2021. — 18 окт. — Режим доступа : <https://ced.uz/kak-sokratit-bednost-v-uzbekistane/> (дата обращения 15.06.2025).

20. Boquvchisini yo‘qotganlik pensiyasi oluvchilarning har bir mehnatga qobiliyatsiz oila a‘zosi uchun qo‘shimcha to‘lov [Электронный ресурс] / UZA : [website]. — 09.06.2021. —

Режим доступа : https://uza.uz/uz/posts/boquvchisini-yoqotganlik-pensiyasi-oluvchilarning-har-bir-mehnatga-qobiliyatsiz-oila-azosi-uchun-qoshimcha-tolov_274509 (tashrif sanasi: 22.06.2025).

21. *Fuqarolarning davlat pensiya ta'minoti to'g'risida* [О государственном пенсионном обеспечении граждан] [Электронный ресурс] / Lex.uz : [website]. — 2020. — Режим доступа : <https://lex.uz/docs/492899> (tashrif sanasi: 19.06.2025).

22. *Keksalar va nogironlarga ijtimoiy yordam ko'rsatish tizimi takomillashtirilmoqda* [Электронный ресурс] / Norma.uz : [website]. — 01.02.2024. — Режим доступа : https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/keksalar_va_nogironlarga_ijtimoiy_erdam_kur-satish_tizimi_takomillashtirilmoqda (tashrif sanasi 21.06.2025).

23. *Nafaqa olish uchun onlayn ariza beriladi* [Электронный ресурс] / Norma.uz : [website]. — 21.11.2023. — Режим доступа : https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/nafaqa_olish_uchun_onlayn_ariza_beriladi (tashrif sanasi 21.06.2025).

24. *Og'ir vaziyatda qolgan xotin-qizlar uchun yana 40 shellter ochiladi* [Электронный ресурс] / Kun.uz : [website]. — 08.02.2019. — Режим доступа : <https://kun.uz/kr/33559317> (tashrif sanasi: 21.06.2025).

25. *O'zbekistonda ijtimoiy himoyaga muhtoj aholi vakillariga yangi imkoniyatlar yaratiladi* [Электронный ресурс] / Daryo.uz : [website]. — 15.08.2024. — Режим доступа : <https://daryo.uz/k/2024/08/15/ozbekistonda-ijtimoiy-himoyaga-muhtoj-aholi-vakillariga-yangi-imkoniyatlar-yaratiladi> (tashrif sanasi: 19.06.2025).

26. *Taxiatoshda 54 oila yangi uyga ko'chib o'tdi* [Электронный ресурс] / Prezident.uz : [website]. — 2019. — Режим доступа : <https://pm.gov.uz/uz/lists/view/281> (tashrif sanasi: 22.06.2025).

Литература

1. *Александрова О. В.* Эвфемизмы в экономическом дискурсе и их потенциал в манипулировании мнением читателей : функциональный аспект / О. В. Александрова, В. В. Сибул // Вопросы прикладной лингвистики. — 2024. — № 56. — С. 7—34. — DOI:10.25076/vpl.56.01.

2. *Арапова Н. С.* Эвфемизмы / Н. С. Арапова. — Москва : Большая Рос. энциклопедия, 1997. — 703 с.

3. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : КомКнига, 2005. — 576 с. — ISBN 5-354-00600-7.

4. *Заботкина В. И.* Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера / В. И. Заботкина, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 55—64. — DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64.

5. *Зверева М. И.* Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды : диссертация ... кандидата филологических наук : 00.00.00 / М. И. Зверева. — Санкт-Петербург, 2023. — 164 с.

6. *Зубкова О. С.* Лингво-культурная обусловленность функционирования эвфемизма : прикладной аспект / О. С. Зубкова, С. А. Логвина // Вопросы прикладной лингвистики. — 2024. — № 54. — С. 31—62. — DOI: 10.25076/vpl.54.02.

7. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов : краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2007. — 318 с. — ISBN 978-5-94244-015-2.

8. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. — 1994. — № 1—2. — С. 28—49.

9. Логвина С. А. Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма / С. А. Логвина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 716—732. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732.

10. Малюга Е. Н. Прагматическая пресуппозиция в заголовках англоязычных бизнес-медиа как элемент манипулятивной риторики / Е. Н. Малюга, Г. О. Петросян // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 91. — С. 104—130. — DOI: 10.17223/19986645/91/6.

11. Миронина А. Ю. Эвфемизм как средство реализации стратегии уклонения от истины в политическом медиадискурсе / А. Ю. Миронина, Г. В. Порческу // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 4—18. — DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.

12. Рустамова Д. Метафорик эвфемизациянинг лингвокултурологик ва социопрагматик аспекти : дис. ... фалсафа доктори (PhD) филология фанлари бўйича / Д. Рустамова. — Фарғона, 2018. — 156 б.

13. Сафина Р. А. Политическая эвфемия в функционально-прагматическом и дискурсивном аспектах / Р. А. Сафина // Филология и культура. — 2014. — № 2 (36). — С. 51—57.

14. Солодилова И. А. Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 11 (211). — С. 73—78.

15. Шубина Э. Л. Эвфемизация в рамках миграционного дискурса в немецкой публицистике / Э. Л. Шубина, Р. С. Шелехова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 156—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176.

16. Шубина Э. Л. Эвфемистическая номинация бедности в публицистике Германии / Э. Л. Шубина, Ю. А. Райкова // Филологические науки в МГИМО. — 2023. — Т. 9. — № 2. — С. 79—91. — DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91.

17. Akopova A. S. Euphemism construction in English : thematic classification and statistical analysis / A. S. Akopova // Issues of Applied Linguistics. — 2023. — № 50. — Pp. 28—51. — DOI: 10.25076/vpl.50.02.

18. Alimov T. E. Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field “O‘lmok” (“to die”) / T. E. Alimov, G. N. Davlatova, K. R. Sultanova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2024. — Vol. 15. — № 4. — Pp. 1128—1147. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147.

19. Allan K. Euphemism & dysphemism : language used as shield and weapon / K. Allan, K. Burrige. — New York : Oxford Univ. Press, 1991. — XII, 263 p. — ISBN 0-19-506622-7.

20. Antipova A. S. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse / A. S. Antipova, M. D. Rabeson, O. V. Smirnova // Training, Language and Culture. — 2021. — Vol. 5. — № 2. — Pp. 73—89. — DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89.

21. Chovanec J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space : The case of *blue-on-blue* / J. Chovanec // Lingua. — 2019. — Vol. 225. — Pp. 50—62. — DOI: 10.1016/j.lingua.2019.04.001.

22. Danilina E. A. Euphemisms in advertising discourse : putting on a positive face and maintaining speech etiquette / E. A. Danilina, E. E. Kizyan, D. S. Maksimova // Training, Language and Culture. — 2019. — Vol. 3. — № 1. — Pp. 8—22. — DOI: 10.29366/2019tlc.3.1.1.

23. Fayziyeva N. N. Siyosiy diskurs evfemizmlarining kommunikativ-pragmatik xususiyatlari (ingliz va o‘zbek tillari materiallari asosida) : diss. ... falsafa doktori (PhD) filologiya fanlari bo‘yicha / N. N. Fayziyeva. — Toshkent, 2023. — 178 b.

24. Fillmore C. J. Frame semantics / C. J. Fillmore // *Linguistics in the Morning Calm : Selected Papers from SICOL-1981*. — Seoul : Hanshin Publ., 1982. — Pp. 111—137.
25. Gribanova T. I. Hedging in different types of discourse / T. I. Gribanova, T. M. Gaidukova // *Training, Language and Culture*. — 2019. — Vol. 3. — № 2. — Pp. 85—99. — DOI: 10.29366/2019tlc.3.2.6.
26. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. — 256 p. — ISBN 978-0-226-46801-3.
27. Malyuga E. N. Euphemisms in South African English economic discourse : Socio-cultural aspects / E. N. Malyuga, B. Tomalin // *Russian Journal of Linguistics*. — 2024. — T. 28. — № 3. — Pp. 512—534. — DOI: 10.22363/2687-0088-39076.
27. Warren B. What euphemisms tell us about the interpretation of words / B. Warren // *Studia Linguistica*. — 1992. — Vol. 46. — № 2. — Pp. 128—172. — DOI: 10.1111/j.1467-9582.1992.tb00833.x.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025,
одобрена после рецензирования 02.08.2025,
подготовлена к публикации 30.08.2025.

Material resources

- “Zone of disadvantage”: which regions have the most poor. (2021). In: *Newspaper.Ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2021/07/01/13692236.shtml> (accessed 21.06.2025). (In Russ.).
- Aellar dafariga kiritilgan khotin-kizlarga tikuv mashinasi olish uchun subsidy beriladi. (2024). In: *NOR.uz: [website]*. Available at: <https://nor.uz/?p=17858> (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).
- Boquvchisini yo‘qotganlik pensiyasi oluvchilarning har bir mehnatga qobiliyatsiz oila a‘zosi uchun qo‘shimcha to‘lov. (2021). In: *UZA: [website]*. Available at: https://uza.uz/uz/posts/boquvchisini-yoqotganlik-pensiyasi-oluvchilarning-har-bir-mehnatga-qobiliyatsiz-oila-azosi-uchun-qoshimcha-tolov_274509 (accessed 22.06.2025). (In Uzbek.).
- Corruption in milliy tarakiyet: Muammo va yechim. (2024). In: *Xs.uz: [website]*. Available at: <https://xs.uz/uzkr/post/korruptsiya-va-milliy-taraqqiyot-muammo-va-echim> (accessed 18.08.2025). (In Uzbek.).
- Etiezhmand khotin-kizlardan OTMda shish uchun tavsiyanomaga arizalar kabuli boshlandi. (2024). In: *Kun.uz: [website]*. Available at: <https://kun.uz/kr/news/2024/05/31/ehtiyojmand-xotin-qizlardan-otmda-oqish-uchun-tavsiyanomaga-arizalar-qabuli-boshlandi> (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).
- Families with modest incomes can receive additional money every month. (2024). In: *K1NEWS.EN: [website]*. Available at: <https://k1news.ru/news/society/semi-sokromnym-dostatkom-kazhdyy-mesyats-mogut-poluchat-dopolnitelnye-dengi/> (accessed 21.06.2025). (In Russ.).
- Fuqarolarning davlat pensiya ta‘minoti to‘g‘risida. (2020). In: *Lex.uz: [website]*. Available at: <https://lex.uz/docs/492899> (accessed 19.06.2025). (In Uzbek.).
- In Bashkiria, 4.4 thousand families can receive social contracts. (2020). In: *RBC-Ufa: [website]*. Available at: <https://ufa.rbc.ru/ufa/06/07/2020/5f0319c89a794782bd1b9035> (accessed 06/21/2025). (In Russ.).
- Keksalar va nogironlarga ijtimoiy yordam ko‘ratish tizimi takomillashtirilmoqda. (2024). In: *Norma.uz: [website]*. Available at: https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/

- keksalar_va_nogironlarga_ijtimoiy_erdam_kursatish_tizimi_takomillashtirilmoqda (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).
- Krakova, S. (2019). Almost 20 million people received child allowances. In: *Gazeta.Ru*. 16 Apr. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2019/04/16/12298747.shtml> (accessed 15.06.2025). (In Russ.).
- Last year, Rosstat reported a record low level of poverty. We checked these calculations and found more than three million poor people who had dropped out of the statistics. (2023). In: *To be precise: [website]*. Available at: <https://tochno.st/materials/v-proshlom-godu-rosstat-otchitalsya-o-rekordno-nizkom-urovne-bednosti-my-proverili-eti-raschety-i-nashli-bolshe-trekh-millionov-maloimushchikh-kotorye-vypali-iz-statistiki> (accessed 06/21/2025). (In Russ.).
- Nafaqa olish uchun onlayn ariza beriladi. (2023). In: *Norma.uz: [website]*. Available at: https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi_nafaqa_olish_uchun_onlayn_ariza_beriladi (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).
- O'zbekistonda ijtimoiy himoyaga muhtoj aholi vakillariga yangi imkoniyatlar yaratiladi. (2024). In: *Daryo.uz: [website]*. Available at: <https://daryo.uz/k/2024/08/15/ozbekistonda-ijtimoiy-himoyaga-muhtoj-aholi-vakillariga-yangi-imkoniyatlar-yaratiladi> (accessed 19.06.2025). (In Uzbek.).
- Og'ir vaziyatda qolgan xotin-qizlar uchun yana 40 shellter ochiladi. (2019). In: *Kun.uz: [website]*. Available at: <https://kun.uz/kr/33559317> (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).
- Og'ir hastalik va moddiy tanazzul. Namanganlik oil kiyin kunlarni boshidan shikazmokda. (2019). *Kun.uz: [website]*. Available at: <https://kun.uz/kr/09049937> (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).
- Pimp used women with difficult financial situation. (2024). In: *Krasnodar. Format-free: [website]*. Available at: <https://krasnodar.bezformata.com/listnews/sutener-ispol-zoval/138736785/> (accessed 18.08.2025). (In Russ.).
- Putin instructed to help poor families with housing from "public ownership". (2019). In: *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/society/18/07/2019/5d30ab3c9a794796ea970626> (accessed 06/24/2025). (In Russ.).
- Rosstat estimated the number of people living below the poverty line in Russia at 15.7 million. (2023). In: *Forbes: [website]*. Available at: <https://www.forbes.ru/society/495991-rosstat-ocenil-kolicestvo-zivusih-za-certoj-bednosti-v-rossii-v-15-7-mln> (accessed 21.06.2025). (In Russ.).
- Rosstat has recorded a reduction in poverty for the first time in five years. (2018). In: *Business FM: [website]*. Available at: <https://www.bfm.ru/news/390468> (accessed 21.06.2025). (In Russ.).
- Rosstat reported a reduction in poverty in Russia. (2025). In: *Forbes: [website]*. Available at: <https://www.forbes.ru/society/539501-rosstat-soobsil-o-snizenii-urovna-bednosti-v-rossii> (accessed 24.06.2025). (In Russ.).
- Russian citizens in need will receive financial support to connect their homes to gas. (2022). In: *Izvestia of Mordovia (izvmor.ru): [website]*. Available at: <https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/nuzhdayushiesya-grazhdane-rossii-poluchat-finansovuyu-podderzhku-dlya-podklyucheniya-zhilishh-k-gazu/> (accessed 22.06.2025). (In Russ.).
- Taxiatoshda 54 oila yangi uyga ko'chib o'tdi. (2019). In: *Prezident.uz: [website]*. Available at: <https://pm.gov.uz/uz/lists/view/281> (accessed 22.06.2025). (In Uzbek.).
- Uzbekistonda "Temir daftar" ga kiritilgan oilalarga qandai tartibda tibbiy khizmat kirsatiladi? (2022). In: *Daryo.uz: [website]*. Available at: <https://daryo.uz/k/2022/09/15/ozbeki>

stonda-temir-daftarga-kiritilgan-oilalarga-qanday-tartibda-tibbiy-xizmat-korsatiladi (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

Wage inequality: how much and where Russians officially earn. (2019). *RBC*. In: Available at: <https://www.rbc.ru/economics/20/07/2019/5d317d739a7947d7fa1672a3> (accessed 21.06.2025). (In Russ.).

Yil rakami: 5600 sym va chegarasi kambagallik. (2020). In: *Ozodlik: [website]*. Available at: <https://www.ozodlik.org/a/yil-raqami-5600-so-m-va-chegarasi-yo-q-kambagallik/31017564.html> (accessed 21.06.2025). (In Uzbek.).

Yusupov, Yu. (2021). How to reduce poverty in Uzbekistan. In: *CED.uz. October 18*. Available at: <https://ced.uz/kak-sokratit-bednost-v-uzbekistane/> (accessed 15.06.2025). (In Russ.).

References

- Akhmanova, O. S. (2005). *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: KomKniga Publ. 576 p. ISBN 5-354-00600-7. (In Russ.).
- Akopova, A. S. (2023). Euphemism construction in English: thematic classification and statistical analysis. *Issues of Applied Linguistics*, 50: 28—51. DOI: 10.25076/vpl.50.02.
- Alexandrova, O. V., Sibul, V. V. (2024). Euphemisms in economic discourse and their potential in manipulating readers' opinions: a functional aspect. *Questions of applied linguistics*, 56: 7—34. DOI:10.25076/vpl.56.01. (In Russ.).
- Alimov, T. E., Davlatova, G. N., Sultanova, K. R. (2024). Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field “O’lmok” (“to die”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (4): 1128—1147. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147.
- Allan, K., Burridge, K. (1991). *Euphemism & dysphemism: language used as shield and weapon*. New York: Oxford Univ. Press. XII, 263 p. ISBN 0-19-506622-7.
- Antipova, A. S. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture*, 5 (2): 73—89. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89.
- Arapova, N. S. (1997). *Euphemisms*. Moscow: Bolshaya Ros. encyclopedia. 703 p. (In Russ.).
- Chovanec, J. (2019). Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue. *Lingua*, 225: 50-62. DOI: 10.1016/j.lingua.2019.04.001.
- Danilina, E. A., Kizyan, E. E., Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture*, 3 (1): 8—22. DOI: 10.29366/2019tlc.3.1.1.
- Fayziyeva, N. N. (2023). *Siyosiy diskurs evfemizmlarining kommunikativ-pragmatik xususiyatlari (ingliz va o'zbek tillari materiallari asosida)*. PhD Diss. Toshkent. 178 b. (In Uzbek.).
- Fillmore, C. J. (1982). Frame semantics. In: *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul: Hanshin Publ. 111—137.
- Gribanova, T. I. (2019). Hedging in different types of discourse. *Training, Language and Culture*, 3 (2): 85—99. DOI: 10.29366/2019tlc.3.2.6.
- Kovshova, M. L. (2007). *Semantics and pragmatics of euphemisms: a short thematic dictionary of modern Russian euphemisms*. Moscow: Gnosis. 318 p. ISBN 978-5-94244-015-2. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1994). Euphemisms in modern Russian speech. *Russian Studies*, 1—2: 28—49. (In Russ.).

- Lakoff, G. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press. 256 p. ISBN 978-0-226-46801-3.
- Logvina, S. A. (2020). Features of the prosodic organization of some conceptual elements of euphemism. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 11 (4): 716—732. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732. (In Russ.).
- Malyuga, E. N., Petrosyan, G. O. (2024). Pragmatic presupposition in the headlines of English-language business media as an element of manipulative rhetoric. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 91: 104—130. DOI: 10.17223/19986645/91/6. (In Russ.).
- Malyuga, E. N., Tomalin, B. (2024). Euphemisms in South African English economic discourse: Socio-cultural aspects. *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3): 512—534. DOI: 10.22363/2687-0088-39076.
- Mironina, A. Y., Porchescu, G. V. (2023). Euphemism as a means of implementing a strategy of avoiding the truth in political media discourse. Scientific result. *Questions of theoretical and applied linguistics*, 9 (2): 4—18. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1. (In Russ.).
- Rustamova, D. (2018). *Metaphorical euphemization linguoculturologic va sociopragmatic aspect*. PhD Diss. Fargona. 156 b. (In Russ.).
- Safina, R. A. (2014). Political euphemia in functional, pragmatic and discursive aspects. *Philology and Culture*, 2 (36): 51—57. (In Russ.).
- Shubina, E. L. (2023). Euphemistic nomination of poverty in German journalism. *Philological sciences at MGIMO*, 9 (2): 79—91. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91. (In Russ.).
- Shubina, E. L., Shelekhova, R. S. (2025). Euphemization within Migration Discourse in German Journalism. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 156—176. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176> (In Russ.).
- Solodilova, I. A., Sokolova, T. Y. (2017). Criteria for the identification of euphemisms. *Bulletin of Orenburg State University*, 11 (211): 73—78. (In Russ.).
- Warren, B. (1992). What euphemisms tell us about the interpretation of words. *Studia Linguistica*, 46 (2): 128—172. DOI: 10.1111/j.1467-9582.1992.tb00833.x.
- Zabotkina, V. I., Pozdnyakova, E. M. (2022). Cognitive mechanisms of manipulative euphemization. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 55—64. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64. (In Russ.).
- Zubkova, O. S., Logvina, S. A. (2024). Linguistic and cultural conditionality of the functioning of euphemism: an applied aspect. *Questions of applied linguistics*, 54: 31—62. DOI: 10.25076/vpl.54.02. (In Russ.).
- Zvereva, M. I. (2023). *Euphemisms in modern journalism as indicators of the state of the linguistic environment*. PhD Diss. St. Petersburg. 164 p. (In Russ.).

*The article was submitted 26.06.2025;
approved after reviewing 02.08.2025;
accepted for publication 30.08.2025.*